

ФАНТАСМАГОРИЯ

Эльза Лисовец

Цена Артефакта

Эльза Лисовец

Цена Артефакта

«Автор»

2026

Лисовец Э.

Цена Артефакта / Э. Лисовец — «Автор», 2026

Говорят, в Гравитационной инверсии цена артефакта — это не только деньги. Это частичка твоей души, год жизни или светлая память. Но что, если цена окажется... слишком абсурдной? Когда реальность даёт трещину, искатели попадают из радиоактивных пустошей прямиком на шумную Дебасовскую. Им предстоит столкнуться не только с мутантами и аномалиями, но и с местными биндюжниками, испытать удачу в поисках легендарного кристалла «Звезда ОдеССы». Чтобы выжить там, где гравитация работает избирательно, где на каждом шагу их ждут невероятные приключения, где нужны стальные нервы и невероятное мужество. Удастся ли им проверить самую дерзкую авантюру века и вернуться домой?

© Лисовец Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Цена Артефакта

Глава

Эльза Лисовец

«Цена артефакта»

Инверсионном разломе ночь пожирает саму идею света. Это была не темнота, а слепота. Запахи тоже сходили с ума: вместо гнили ноздри щипало стерильной чистотой морга, а сладкий аромат карамели вызывал тошноту, потому что мозг понимал — этой сахарной пудрой Инверсия маскирует запах тления твоей собственной плоти

Ветер, словно живой, шуршал обрывками полиэтилена на ржавых остовах машин, а где-то вдалеке, как надтреснутая струна, выли шестиноги. Звук был тоскливым, но в нём слышалась и странная, дикая мелодия — песня одиночества. Внутри заброшенного сарая, чудом уцелевшего под напором времени и радиации, было тепло. Тепло исходило от костра, над которым висел закопчённый котелок. Внутри него булькало нечто подозрительно светящееся ядовито-зелёным светом. Это была каша — легендарный рецепт Утёса, о котором ходили слухи по всему Мертвому городу. Говорили, что одна ложка заменяет ужин, завтрак и отпугивает головоногов на неделю.

Вокруг огня сидела разношёрстная компания. Инженер Иваныч, человек с неиссякаемым оптимизмом и противогазом, расписанным нелепыми цветочками (подарок от Лисы на день рождения), помешивал кашу длинной арматурой. Рядом, нахохлившись, как сыч, сидел Фома. Его прозвище «Угрюмый» было написано у него на лбу крупными буквами. Тяжёлый пулемёт «Крафт» лежал у него на коленях так бережно, будто это был младенец. Лиса (Тамара) куталась в старый плащ, её светлые волосы выбились из-под капюшона, отражая пламя костра. Она была мозгом этой компании и единственным человеком, кто мог заставить Фому улыбнуться. Цыган Пашка же был вечным двигателем — он жевал. Всегда. Что-то хрустящее, сухое, добытое из недр своего бездонного рюкзака. Черный Инженер, мечтательно глядя на огонь: — А помните, как Черный Утёс пел? «Всё хорошо, прекрасная лисичка»? «У него там сарай сгорел, а следом и хата! И хохотал при этом так, что даже кулек из омота высунулся посмотреть.

— Не помню. Я в тот день на Плёсе артефакты искал. В такие моменты не до песен. А «Утёс... это тот пулемёт? У меня такой есть. Отгоняю им слепых пауков. И псиоников. И иногда — Цыгана. — не отрывая взгляд от костра, хмуро ответил Фома.

Цыган Пашка, возмущённо подавившись: — Эй! Я не псионик! Я просто быстрый! И экономный!

Лиса, с ехидной улыбкой: — Нет, Фома. «Орешников пулемёт придумал. А Утёс... это тот следопыт, который к Магомеду не хотел идти». Помнишь эту историю? Про горы?

Фома, почесав затылок стволom пулемёта: — А-а-а! Это тот, у которого «без труда не ловилась рыбка из пруда»? Я его песню на рыбалке пою. Правда, тут рыбы нет. Только двух-головые сомы и один очень наглый водный.

— Ох и хитрая вы, дорогая Тamarочка! А ещё говорят, он к вам в гости захаживал?,— хитро щурясь за стеклами противогаса, посмеивался Инженер.

Тамара, театрально вздыхая: — А как же! Каждый четверг. Приносил карпа под шубой. Сам готовил! — Карпа под шубой? В Черном городе? А шуба из чего? Из шерсти химеры?,— скептически спросил Цыган.

Лиса, невозмутимо: — Почему из шерсти? Из ваты. У него противорадиационный костюм был с ватной подкладкой. Экономил? — Экономил он... Вот у меня костюм — из свинца. Тяжёлый, зато не фонит. И от пуль защищает. И от химеры всякой. — заметил мрачно Фома.

В этот момент дверь сарая скрипнула особенно громко, и из темноты вышла фигура. Это был сам Утёс — худой, сутулый искатель в длинном плаще, опирающийся на трость из арматуры. В свободной руке он держал кастрюлю. Утёс, с порога: — Тамарочка! Я тут карпа принёс! И пулемёт захватил, на всякий случай. От мышей.

— От мышей? Тут крысы размером с лошадь! И характером как псионики!, — Инженер, нервно оглядываясь по углам. Утёс, ставя кастрюлю рядом с котелком: — Вот поэтому и пулемёт. И карпа. Под радиацией он особенно... пикантный.

— А каша в котелке тоже ваша? — Цыган, приняв хиваясь к каше. Утёс, гордо: — Моя, конечно! С нотками ностальгии по дому и слегка светится для красоты. Всё как вы любите!

Все весело засмеялись. Даже вопль шестинога на крыше сарая начала мурлыкать «Всё хорошо, прекрасная лисичка».

— Ладно, Утёс, оставайся. — Ствол спрячь. Предохранитель вниз головой крутишь — себя же подстрелишь раньше времени. — произнес Фома.

Лиса: — А сарай... сарай пусть горит. Главное — карп под шубой и хорошая компания! Даже если вокруг аномалии и зомби.

— И чтобы пулемёт был не только у Орешникова, но и у Утёса! — произнес тост Иваныч. Все поднимают кружки с чаем «Шмурдяк» — За Утёса! И за карпа! Где-то вдалеке снова завел свою песнь слепец — только теперь его вой звучал мелодично, почти музыкально, словно тварь пыталась подобрать ноты к симфонии грядущего безумия.

Туман.

Привкус чая во рту Иваныча был непонятным. Не горьким от болотной воды и не сладким от сахара-рафинада, а солоноватым, с отчётливым привкусом йода и чего-то копчёного. Он поморщился и хотел было спросить у Лисы, что она туда намешала, но слова застряли в горле. Воздух изменился. Исчез привычный запах гари и прелой листвы. Вместо него в сарай вползла густая, молочная пелена. Она не была холодной или радиоактивной — она была тёплой и пахла морем, жареными бычками и почему-то тройным одеколоном. Инженер первым стянул противогаз с цветочками и потянул носом воздух.

— Хм... Чую. Чую! Пахнет, свободой! И пылью. И чьим-то очень неудачным борщом!

Сарай исчез. Ржавчина и копоть исчезли так стремительно, будто кто-то нажал кнопку «Убрать мусор» в фоторедакторе. Вместо привычного ада Инверсии — идеальная мостовая! Заборы стоят ровные, покрашенные веселой зеленой краской. А сбоку висит табличка «Кафе "Чайная у Абрама"», откуда тянуло жареной тюлькой и безысходностью. Из-за угла доносится песня: «На Десовской открылась пивная...»

— Смотрите! Это же... это же Десовская! — Лиса, восторженно!

— А где радиация? Где зомби? Где добыча?! Я за добычей шёл! — растерянно пробормотал Пашка.

Из-за угла чайной вываливается колоритная компания: биндюжники в картузах, один с балалайкой, другой с семечками. Они с интересом разглядывают странных людей в камуфляже. Биндюжник Мотя: Мотя, биндюжник, не испугался пулемёта. Он лишь скептически оглядел Фому с ног до головы, задержав взгляд на ребристом кожане «Крафта», и цыкнул зубом.

— Тю, Сеня, ты глянь! — хохотнул он, обращаясь к товарищу. — Это ж не пулемёт, а примус какой-то! — На таком агрегате только гвозди ровнять да орехи колоть. Вы из какого цирка сбежали, чудики?

Сеня, жуя спичку, лишь пожал плечами и сплюнул шелуху в пыль. — А шо за маскарад? — не унимался Мотя. — Вы с «Мосфильма»? Снимаем «Бандитский Петербург»? Или вы эти... как их... косплееры? Только вместо доспехов — камуфляж с чужого плеча?

Лиса, быстро оценив ситуацию и поняв, что стрельба в планы не входит, выступила вперёд. Она сняла капюшон, и её золотистые волосы вспыхнули в тусклом свете фонаря над чайной.

— Товарищи, — начала она своим самым убедительным тоном. — Произошла чудовищная ошибка. Квантовая аномалия. Пространственно-временной континуум. Мы не с Десовской. Мы из Заброшенного региона. Черного города. Слово «Черный» произвело неожиданный эффект. Биндюжники перемегнулись. Мотя перестал ухмыляться. Сенья вынул спичку из рта.

— Так вы... это... трофейщики? — тихо и уже без тени иронии спросил Сенья. — Те самые? Которые артефакты таскают?

Цыган Пашка тут же оживился. В его глазах зажёгся знакомый алчный блеск. — А то! — прорычал он, выпячивая грудь. — Мы по артефакты!

— А у нас тут свое добро есть, — загадочно протянул Мотя, подмигнув Сене. — Не фонит, не кусается, но душу греет. И пузо. Пойдёмте-ка до Абрама, чайку попьём. Заодно и потолкуем. Искатели переглянулись. Фома всё ещё держал палец на спусковом крючке, но уже не так уверенно.

Иваныч приняхивался к запаху жареной рыбы, который теперь отчётливо доносился из-за двери чайной. — А кефаль у вас есть? — с интересом спросил Утёс из-за спин товарищей.

— Кефаль? — Мотя расплылся в широкой улыбке. — Та у нас не просто кефаль! У нас такая рыба есть, что любая химера позавидует! И под такую закуску история одна есть... про одного вашего знакомого. Внутри чайной «У Абрама» было тесно, накурено и тепло. Пахло жареным луком, солёными огурцами и старой бумагой. На стене висел пожелтевший плакат с изображением усатого мужчины в папаче. Искатели расселись за большим дубовым столом. Котелок с кашей Утёса торжественно водрузили в центр стола — он служил главным доказательством их "аномального" происхождения, так как каша внутри продолжала тускло светиться радиоактивным светом. Биндюжники же, не обращая внимания на радиацию, выставили графин мутной жидкости и тарелку чёрного хлеба. Мотя разлил «чай» (как он это называл) по стаканам.

— Ну, за знакомство! — провозгласил он тост. После первого глотка Иваныч закашлялся так, что лепестки на его противогазе затрепетали.

— Это... это не чай! — просипел он.

— Конечно, не чай! — обиделся Сенья. — Это ж «Щелчок-Сидр»! Чистый продукт! От радиации помогает лучше любого свинцового костюма! Когда стаканы опустели и атмосфера окончательно потеплела, Мотя наклонился над столом и понизил голос до шёпота: — Слушайте сюда. Про Орешникова вашего... Мы тут не просто так сидим. У нас для вас дело есть. Важное. Он оглянулся на дверь и продолжил: — Тут на Дебасовской объявился один тип... Зовут его Хмырь. Говорит складно, одет с иголочки. И скупает он трофеи... странные. Не как все. Ему подавай вещи с историей. А главное — он ищет одну штуку. Артефакт такой... «Звезда ОдеССы» называется. Фома нахмурился ещё сильнее: — Не слышал про такой.

— А кто слышал? — усмехнулся Мотя. — Но Хмырь этот готов за него бешеные деньги дать. Золотом! Или вот этим... вашим... артефактом «Свет Истины».

Цыган чуть не подавился: — «Свет Истины»? Да я за неё...

Утёс, добавил: — Давайте лучше споем, я сварганил кавер на новый трек.

«— Алло, алло, Фома, какие вести?

Давно добро я не сдавала,

Пять дней из дома, как в отъезде.

Ну, как идут у нас дела?
— Всё хорошо, прекрасная Лисичка,
Дела идут и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза
За исключением пустяка.
Так, ерунда, пустое дело
— В «искру» случайно наступил.
А в остальном, прекрасная Лисичка,
Всё хорошо, всё хорошо.
— Алло, алло, какой ужасный случай!
Мой детектор аномалий сдох!
Скажите мне, всё это как произошло?
Я весь в поту, и в горле ком!
— Всё хорошо, прекрасная Лисичка,
Всё хорошо, как никогда!
К чему скорбеть от глупого сюрприза?
Ведь это, право, ерунда!
Детектор что? Пустое дело
— Он в «турбине» разрядиться не сумел.
А в остальном, прекрасная Лисичка,
Всё хорошо, всё хорошо!
— Алло-алло, мутится разум!
Какой неслыханный удар!
Скажите мне всю правду разом
— Когда в подвале был пожар?
— Всё хорошо, прекрасная Лисичка,
И хороши у нас дела!
Но вам судьба, как видно, из каприза
Ещё сюрприз преподнесла:
Сгорел весь схрон с добычей вместе,
Когда пылало всё кругом!
А в остальном, прекрасная Лисичка,
Всё хорошо, всё хорошо!
— Алло-алло, и бар сгорел?!
Ах, до чего мне тяжело!
Я — вне себя. Скажите прямо,
Как это всё произошло?
— Узнал ваш брат, прекрасная Лисичка,
Что разорил себя и вас,
Не вынес он подобного сюрприза
И застрелился в тот же час.
Упавши мёртвым у печи,
Он опрокинул две свечи,
Попали свечи на ковёр,
И запылал он, как костёр,
Погода ветреной была
— Бар быстро выгорел дотла.
Огонь припасы все спалил,
А с ними детекторы накрыл.

А в остальном, прекрасная Лисичка,
Всё хорошо. Всё хорошо.»

Карта: «Дебасовская и его окрестности»

Центр — легендарная Дебасовская. Это не просто рынок, а пульсирующее сердце аномальной активности. От него лучами расходятся опасные районы: «Молдаванка», «Аркадия», «Толоконская» Перемещение между ними возможно только через «трамвайные пути», которые часто ведут совсем не туда, куда указывает табличка. В отличие от гравитационных инверсий, здесь аномалии бьют по чувствам и логике.

«Кот Морзякин» Выглядит как обычная лужа, в которой отражается ясное небо, даже если на улице туман. При приближении отражение начинает мурлыкать. Попавший в аномалию ощущает непреодолимое желание купить литр парного молока и три кило кошачьего корма. Сопротивление бесполезно: кошелек пустеет сам собой. Выйдя из инверсии, человек обнаруживает в кармане мокрый билет на трамвай 1912 года.

«Гиви и его шашлычная» (Термическая аномалия) Столб горячего воздуха, пахнущий исключительно аджикой и дымом фруктовых дров. Температура внутри может достигать +50°C. Вызывает мгновенное обезвоживание и приступ острого голода. Трофейщики обходят её десятой дорогой, но иногда рискуют зайти, чтобы согреться зимой. — Там такая пси-турбулентность стоит, что мозги кипят. Видели когда-нибудь, как дух покойного шашлычника крутит шампуры прямо из пустоты? Вот это оно самое..

«Слеза Ресурса» (Телекинесная) Невидимая область на пустыре, где гравитация работает избирательно. Вещи тяжелее 100 грамм взлетают вверх, а всё, что легче (пух, пыль, волосы), прилипает к земле намертво. Трофейщики с полным рюкзаком добра о вынуждены ползти на четвереньках, чтобы не улететь в стратосферу. Зато можно отлично проветрить одежду от радиации.

«Аномалия "Не надо мне тут!"» (Психотропная) Невидимое поле вокруг любого местного жителя (биндюжника, тёти Сони). Если подойти ближе двух метров, поле активируется. Человек слышит в голове голос своей бабушки и испытывает жгучее чувство стыда за то, что не надел шапку или не доел суп. Сопротивление невозможно, хочется немедленно извиниться и уйти. Артефакты здесь рождаются не из аномалий, а из сильных эмоций, высказанных с особым одесским акцентом.

«Свет Истины» с функцией генератора случайных предметов! Ты кидаешь в неё хлам — она выдаёт что-то случайное из того же класса! Гильза на гильзу, патрон на патрон! Может, даже артефакт на артефакт!

«Звезда ОдеССы» Прозрачный кристалл в форме сердца, внутри которого медленно вращается радужный ялтинский песок.

Самый дорогой артефакт. Нейтрализует действие любой другой аномалии в радиусе 5 метров.

«Костяная Нога» Обычная куриная кость, но светящаяся мягким жёлтым светом. Приносит удачу в торговле и картах. Если носить её в левом кармане, любая сделка становится выгодной. Если в правом — обязательно встретишь тещу или участкового.

«Шаланда, полная кефали» Пузырёк с мутной водой, в которой плавает светящаяся рыбка. Ускоряет регенерацию тканей. Раны заживают за минуты, но шрамы остаются в виде татуировок якорей или чайки. Очень популярен у искателей-романтиков.

«Банка бычков» Консервная банка, которая никогда не бывает пустой. Внутри всегда плавает пара бычков в масле. Источник бесконечной еды. Вкус всегда разный: зависит от настроения того, кто открывает банку. Может быть божественным деликатесом или... ну, вы поняли. Ценится выше тушенки.

«Ироничные название напитков»

«Шмурдяк аномальный» — густой кисель из артефактной субстанции. Утоляет голод и жажду на сутки вперёд, но вызывает странные цветные сны и всякие аномалии.

«Щелчок-Сидр» — мутноватый напиток, который бродит в бочках прямо на территории рынка. Говорят, туда добавляют щепотку песка с пляжа для вкуса.

«Лузга Отвар» — горьковатый чай из шелухи семечек, которую собирают у аномалии «К/Х». Дешёвый, сердитый и очень популярен среди молодых искателей.

«Выдох Импульса» — шипучий напиток, который временно ускоряет вывод радионуклидов из организма. Искатели пьют его после выхода из радиоактивных пятен.

Прорыв в аномалию.

Воздух после Дебасовской был густым, пах пивом, жареной рыбой и свободой. Тамара, изящно слизывая с усов остатки кефали, первой заметила неладное.

— Пашка, — протянула она, шуря янтарные глаза. — А почему небо стало полосатым, как тельняшка дяди Миши-рыбака? И почему у Угрюмого вместо лица... монитор?

Айтишник Фома по кличке Угрюмый, который до этого момента молча пытался «перезагрузить» реальность нажатием на невидимые кнопки перед собой, икнул и выдал:

— Ошибка 404. Смысл не найден. Перенаправляю на... буэээ... на историческую реконструкцию.

Черный Инженер, поправляя каску, которая каким-то чудом материализовалась у него на голове, философски заметил:

— Коллеги, мы наблюдаем классический фазовый переход. Материя переходит из состояния «Черноморский дворик» в состояние «Следопыт-ретро». Рекомендую проверить инвентарь.

Черный Пашка, держась за голову, простонал:

— Мой внутренний компас показывает не на север, а на банку бычков. И она бьётся током.

Черный Утёс просто молча поднял с земли пустую бутылку из-под пива, которая тут же превратилась в противогазную сумку, и пожал плечами. Мол, бывает.

Вокруг них реальность плавилась. Пейзаж Дебасовской смазался, словно акварель под дождем, и проступили очертания разрушенного города. Но это была не просто война. Это была Война в гравитационной инверсии.

Вместо воронок от бомб — кинетические ловушки, засасывающие всё живое. Вместо дыма — зеленоватый туман, вызывающий галлюцинации о мамином борще. И повсюду — аномалии.

Прямо перед ними из воздуха материализовался огромный, полосатый и наглый кот. Он сидел посреди дороги и вылизывал лапу.

— Морзякин? — неуверенно спросил Пашка.

Кот перестал вылизываться, посмотрел на цыгана с видом профессора, которому студент сдал пустой лист.

— Ну я. А вы кто такие? Партизаны или мародеры? Документы есть?

— Мы... туристы! — пискнула Тамара. — Экстремальный туризм! С элементами гастрономии!

Кот фыркнул.

— Туристы... У нас тут не санаторий в Пятигорске. Артефакты не трожь, в «Инерцию» не лезь, и вообще, идите вон туда, к элеватору. Там сегодня тихо. Если в «Слепок» не попадешь.

И он снова занялся гигиеной, полностью игнорируя ошеломленную компанию.

Чермет поле.

Путь к элеватору напоминал прогулку по парку аттракционов, если бы этот парк спроектировал безумный физик.

Тамара шла первой, её лисий нос работал лучше любого детектора аномалий.

— Налево нельзя, там «Тихая вода», — комментировала она. — Пашка, не наступай на эту траву, она скрипит как несмазанная телега — это «Тягучка».

Пашка крутил в руках колоду карт.

— Слышь, Угрюмый! А давай в очко? На щелбаны?

Фома поправил очки (которые теперь были сделаны из осколков бутылочного стекла) и мрачно ответил:

— В очко играют с банкометом. А я вижу только баг-репорты реальности. Ошибка сегментации пространства-времени.

Внезапно тишину нарушил треск веток и немецкая речь.

Из-за полуразрушенной стены вышли двое солдат Вермахта. Один был длинный и худой (Ганс), второй — низенький и круглый (Фриц). Вид у них был потрепанный: форма порвана, лица грязные.

Ганс держал в руках странный предмет — светящуюся кость, которая пульсировала красным светом.

— Mein Gott, Фриц! Эта Knochenbein (Костяная Нога) опять вибрирует! Она хочет танцевать вальс!

Фриц же прижимал к груди большую ржавую банку.

— А у меня Schalanda (Шаланда)! Полная кефали! Я чувствую их запах! Они шевелятся!

Гесиона принялась и хихикнула:

— Пашка, глянь! Немцы артефакты нашли! Только пользоваться не умеют. У Ганса артефакт для танцев, а у Фрица — консерва с призраками рыбы.

Немцы заметили группу и вскинули винтовки, но тут же их опустили. Ганс помахал рукой:

— Камрады! Не стреляйте! Мы сдаемся...может в картишки?!

Фриц уже тасовал засаленную колоду.

— Сыграем? У меня есть козырь! Туз пик! Хотя... он почему-то светится зеленым...

Ганс тем временем достал из-за пазухи плоскую фляжку и сделал глоток. Его глаза засветились ярким белым светом сквозь каску.

— Heilige Scheiße! Опять началось! Командир будет недоволен!

Игра в карты на выживание в Зоне — это отдельный вид спорта, где ставки выше, чем в казино Монте-Карло, а блеф может стоить тебе не кошелька, а жизни. Или, что ещё хуже, пары конечностей.

Пашка, окрылённый успехом выигрыша «Костяной Ноги», уже тасовал засаленную колоду с ловкостью одесского шулера.

— Ну что, камрады? Партейку? На интерес? Или на артефакт? У меня, между прочим, туз в рукаве. И ещё один в сапоге. И, кажется, третий где-то в аномалии «Инерция» застрял...

Ганс и Фриц, обрадованные тем, что их пока не пристрелили, а даже помогли станцевать с костью, оживились.

— Я! Я играть! — Фриц потёр руки. — У меня есть система! Называется «Ставь на всё и молись инверсии».

— А у меня стратегия, — мрачно буркнул Угрюмый, глядя на карты. — Стратегия проигрыша. Я вижу исход этой партии. Он бинарный: либо мы все умрём, либо у меня будет флеш-рояль. Третьего не дано.

Тамара заглянула в карты Ганса и театрально вздохнула:

— Ну вы как дитё малое. У вас же на руках «Признак» и «Искра», а ты на «Желе» надеешься. С такими картами только в «Дурака» играть, и то — остаться.

Игра была в самом разгаре. Фриц уже проиграл свою каску (её тут же надел Иваныч, заявив, что она «добавляет +10 к инженерной мысли»), а Ганс поставил свой последний сухпаёк против банки бычков.

В этот момент воздух сгустился. Запахло озоном, перегаром и очень большими неприятностями. Тень от водонапорной башни вытянулась неестественно длинной и поползла к игрокам.

— Ребята мне это не нравится, все больше и больше, предлагаю пойти отсюда и продолжить игру в более безопасном месте, — предложила Лиса, оглядываясь.

Идти пришлось через поле, которое местные, если бы они тут были, назвали бы его не «Чермет поле», а «Поле чудес». Но чудес тут не было — только чудеса плохие.

Под ногами хрустела не трава, а битое стекло и, кажется, чьи-то забытые амбиции. Тамара, ставшая в Зоне настоящим проводником, шла впереди, изящно огибая «Рикошеты».

— Лиса, а ты уверена, что нам туда? — Пашка поёжился, глядя на парящий над землёй рой искр. — У меня от этого места мурашки размером с танк.

— Не трусь, цыганская душа, — мурлыкнула Тамара. — Я чую след. Внезапно Угрюмый остановился как вкопанный. Его глаза, обычно затуманенные кодом, стали ясными и испуганными.

— Народ, у нас проблема. Системная ошибка. Мой внутренний GPS показывает, что мы находимся в точке с координатами... «Костяная Нога».

Все замерли. Ганс и Фриц побледнели так, что их грязь на лицах стала казаться гримом.

— Der Knochenbein? — прошептал Ганс. — Та самая? Которая танцует?

Из-за ближайшей кучи щебня донёсся низкий, утробный гул. Земля задрожала. Звук был похож на то, как если бы тысяча скелетов одновременно решили сплясать канкан.

— Бежим! — скомандовал Черный Утёс и первым рванул с места.

Бежать по аномальному полю — то ещё удовольствие. Фома споткнулся о невидимую кочку и кубарем полетел в сторону, но его поймал за шкирку Иваныч.

— Держись, коллега! В инверсии главное — инерция!

Ганс и Фриц неслись впереди всех, смешно перебирая ногами. Фриц прижимал к животу свою «Шаланду», из которой доносилось призрачное: «Кефаль моя, ты уплыла в туман...».

Гул нарастал. Позади них из-под земли начала вылезать она — «Костяная Нога». Это была гигантская берцовая кость, светящаяся ядовито-зелёным светом. Она не просто торчала

из земли — она пританцовывала. Вверх-вниз, влево-вправо, выбивая чечётку и поднимая тучи радиоактивной пыли.

— Она нас догоняет! — взвизгнул Фриц.

— Она не догоняет! Она... танцует! — заорал Пашка, уворачиваясь от летящего в него булыжника, выбитого ритмом кости. — Ей просто нужен партнёр!

Тамара резко затормозила.

— Стойте! У меня идея! Пашка! Твоя гитара при тебе?

Пашка хлопнул себя по лбу:

— Точно! Музыка! Она же любит ритм!

Цыган выхватил из-за спины старую гитару (которая каким-то чудом пережила переход через аномалию) и ударил по струнам.

— Эх, раз! Ещё раз!

Он заиграл что-то дикое, цыганское, с бешеным ритмом «Где же ты, Маруся, с кем теперь гуляешь? Одного целуешь, а мене кусаешь!». Тамара тут же подхватила мелодию своим лисьим воем, который в ночной тишине звучал как саксофон Бени Гудмана на Дебасовской.

«Костяная Нога» замерла. Она перестала гудеть и начала покачиваться в такт музыке. Ганс и Фриц остановились, тяжело дыша.

— Donnerwetter! Она слушает!

Угрюмый, отряхиваясь от пыли, мрачно прокомментировал:

— Это не баг. Это фича. Аномалия реагирует на звуковые волны определённой частоты.

Черный Фома поднял руки к небу:

— Духи ритма благосклонны к нам!

Черный Утёс просто начал хлопать в ладоши в такт музыке Пашки. Звук был похож на обвал в горах.

Танец продолжался. Кость выписывала кренделя, а Цыган выдавал такие аккорды, что даже у Фомы на лице промелькнуло подобие улыбки.

Внезапно танец прекратился так же резко, как и начался. «Костяная Нога» замерла на секунду, а затем с громким хлопком исчезла во вспышке света, оставив после себя лишь небольшое свечение на земле.

На месте исчезновения лежал артефакт — маленькая косточка, пульсирующая мягким светом.

— Это она? — спросил Иваныч.

— Нет, это её отпрыск, — фыркнула Тамара. — Но это хороший знак. Мы на верном пути.

Фриц робко подошел к светящейся косточке и поднял её.

— Смотрите! На ней написано... «Made in Odessa».

Ганс заглянул ему через плечо:

— А ниже: «Гарантия 100 лет или один танец канкан».

Из тишины прорезал звук. Это был не просто звук, это был саундтрек приближающегося апокалипсиса.

Сначала из темноты донёсся оглушительный, богатырский храп. Такой храп мог принадлежать только танковой дивизии, уснувшей в чистом поле после марш-броска. Он был слышен даже сквозь вой ветра в проводах.

— Это что, «Тигры»? — прошептал Пашка, роняя карты.

— Нет, — мрачно ответил Хмурый, не отрывая взгляда от невидимого монитора. — Это звуковая аномалия класса «Барбаросса». Вызывает необъяснимую сонливость и желание сдаться в плен.

Храп на мгновение стих, и тут же раздался звук грохота. Будто рота солдат в кованых сапогах решила сыграть на жестяных тазах симфонию Бетховена. Ганс и Фриц побледнели.

— Mein Gott! Это наши! Они идут! — пискнул Фриц.

— Тихо ты! — зашипел Ганс. — Если это наши, почему я слышу звон бутылок?

И действительно, к грохоту добавился мелодичный звон. Словно целый батальон снабженцев тащил на себе годовой запас шнапса, и каждая бутылка норовила чокнуться с соседкой.

— Аномалия «Пьяный ёж», — авторитетно заявил Инженер. — Повышает уровень алкоголя в крови на расстоянии. Опасно для дисциплины.

Лиса наострила уши.

— Слышите? А это что за скрип? Я думаю, что нам всем надо спрятаться, в подходящее укрытие.

Оно.

Сквозь какофонию храпа и звона пробился протяжный, жалобный скрип. Будто тысяча обозных телег, не смазанных со времён Бисмарка, ехала по булыжной мостовой.

— Это не телеги, — хихикнула лиса. — Это скрипят его нервы. У него их целый обоз.

Звуки становились всё громче, складываясь в парадоксальную картину: к ним приближалась целая немецкая дивизия. Она храпела, звенела шнапсом и скрипела несмазанными сапогами. Но самое страшное было то, что всё это издавал один человек.

Из-за угла водонапорной башни вышел он.

Он не шёл, он вплывал в звуковое поле своего собственного величия. Командир. Его чубчик стоял дыбом (возможно, от статического электричества его злости), а усики топорщились так, будто он только что съел что-то очень кислое.

Он остановился. Звуки дивизии мгновенно стихли. Наступила звенящая тишина.

Если бы Адольф Гитлер решил сходить в Мертвый город, постарел лет на двадцать, спал под открытым небом и питался исключительно тушёнкой и светящимися грибами — он выглядел бы именно так. Тот же чубчик (только спутанный и в паутине), те же усики (только обвисшие от постоянной влажности), тот же фанатичный блеск в глазах... который тут же сменился брезгливостью.

Он не шёл, он шествовал, сжимая в руках холщовый мешок, из которого торчали светящиеся предметы. Он был занят важным делом — сортировкой хабара.

— «Так, это тебе...» — он швырнул что-то светящееся одному из невидимых адъютантов. — «Это мне... О! А это что за безвкусица?»

Он достал из мешка «Костяную Ногу». Она всё ещё слегка вибрировала после танца.

— «Не, я такой фасон не ношу. Это опять тебе!» — нога полетела обратно. — «Так... это обратно тебе! А это всё время тебе! Не, я себя не обделил?»

Он наконец заметил свою зондер-команду. Взгляд его остановился на Гансе и Фрице. Улыбка сползла с лица быстрее, чем Хмурый закрывает ноутбук при виде начальника.

— Вы! Два кретина! Два ходячих недоразумения! Я отправил вас патрулировать сектор «Г»! А вы что делаете? Танцуете канкан с аномалиями? Играете в карты со сталкерами?!

Ганс и Фриц вытянулись по струнке, пытаясь спрятаться друг за друга.

— Герр командир! Мы... мы нашли это! — Фриц дрожащими руками протянул светящуюся косточку с надписью «Made in Odessa».

Командир брезгливо взял артефакт двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Made in Odessa? Поздравляю. Вы нашли сувенирную продукцию для туристов-призраков. Это даже не «Банка бычков», это... зубочистка!

Он швырнул косточку в сторону. Она ударилась о камень и рассыпалась в пыль.

— А это что у тебя? — его взгляд упал на банку с кефалью, которую Ганс судорожно прижимал к груди.

— Это... «Шаланда», герр командир! Полная кефали!

Ганс и Фриц вытянулись по струнке. Фриц попытался спрятать банку с кефалью за спину, но сделал это так неуклюже, что «Шаланда» громко звякнула.

Звук в тишине прозвучал как выстрел гаубицы.

Глаза командира сузились. Он посмотрел на банку, потом на Ганса, потом снова на банку. В его взгляде читалась вся скорбь арийской расы по поводу умственных способностей подчинённых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.